

УДК 159.9

DOI:10.26795/2307-1281-2020-8-4-10

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОДРОСТКОВ – СВИДЕТЕЛЕЙ БУЛЛИНГА¹

Е. Н. Волкова¹, И. В. Волкова²

¹ФГБНУ «Институт изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования», Москва, Российская Федерация

²Российская академия образования, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Введение. Подростки-свидетели – самая распространённая, референтная для совершения травли и одновременно наименее изученная группа в подростковом буллинге. Целью статьи является анализ результатов исследований для изучения социально-психологических и личностных особенностей подростков – свидетелей буллинга.

Материалы и методы. Анализ, обобщение и структурирование результатов теоретических и экспериментальных исследований социально-психологических и личностных особенностей подростков – свидетелей буллинга.

Результаты исследования. Свидетели подросткового буллинга являются самой многочисленной группой, которая определяет возможность и смысл совершения травли. Выделяют четыре группы подростков – свидетелей буллинга: защитники; помощники обидчиков; сочувствующие жертве; наблюдатели. Социальный статус, наличие травматического опыта, характер эмоциональных реакций, установки и убеждения, подростковая дружба и мотивация поведения в этих группах различны. Подростки-защитники обладают развитым личностным ресурсом и высоким уровнем психологического благополучия, имеют благоприятный социальный статус. Подростки других групп свидетелей буллинга характеризуются дефицитностью в развитии личностного ресурса и социального статуса, психологического благополучия и наличием травматического опыта. Эти особенности должны учитываться при разработке программ профилактики буллинга в школе.

Обсуждение и заключения. В каждом случае буллинга важно выяснение причин неконструктивного поведения свидетелей как ключевой группы совершения травли. Основная задача программ профилактики по работе со свидетелями должна быть связана с трансформацией непродуктивных ролевых позиций подростков – помощников обидчика, сочувствующих жертве, пассивных наблюдателей – в активную позицию защитника. Рост количества активных вмешательств в ситуацию буллинга останавливает обидчика в момент совершения нападения и предотвращает агрессивные нападки в дальнейшем.

Ключевые слова: свидетели буллинга, подростки, личностные и социально-психологические особенности.

---

¹ Публикация подготовлена в рамках государственного задания №073-00032-20-00 по проекту «Разработка современной концепции комплексной профилактики агрессивного поведения в образовательной среде и ее научно-методическое обеспечение, включая апробацию и подготовку к внедрению».

Для цитирования: Волкова Е.Н., Волкова И.В. Социально-психологические и личностные особенности подростков – свидетелей буллинга // Вестник Мининского университета. 2020. Т. 8, №4. С.10.

SOCIO-PSYCHOLOGICAL AND PERSONAL CHARACTERISTICS OF ADOLESCENTS WHO WITNESS BULLYING¹

E. N. Volkova¹, I. V. Volkova²

¹FGBNU "Institute for the Study of Childhood, Family and Upbringing of the Russian Academy of Education", Moscow, Russian Federation

²Russian Academy of Education, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

Introduction. Bullying witnesses are the most prevalent and yet the least researched group of adolescents involved in bullying. The objective of the current article is to summarise the results of the studies of psychological and personal characteristics of adolescent bullying witnesses.

Materials and Methods. Summarising results of the theoretical and experimental studies dedicated to psychological and personal characteristics of adolescent bullying witnesses.

Results. Bullying witnesses are the most prevalent group, which makes bullying possible. There are four groups among witnesses: defenders of the victim, assistants of the bully, sympathizers of the victim and bystanders. These groups have specific social status, traumatic experience, emotional reactions, attitudes, perceptions, friendships and motivations. Defenders of the victims have high social status, psychological wellbeing and personal resources. Adolescents from other groups are more troubled or have traumatic experience, have less wellbeing and personal resources. These findings must be taken into account when developing prevention programs.

Discussion and Conclusions. Nonconstructive behavior of the witnesses, as a key element of the bullying, must be understood for each bullying case. Prevention program must be aimed at changing nonproductive role positions of the witnesses into the active position of the victim defender. Increasing the number of active defending stops the bullying and prevents the bully from future attacks.

Keywords: witnesses, adolescents, personal characteristics.

For citation: Volkova E.N., Volkova I.V. Socio-psychological and personal characteristics of adolescents who witness bullying // Vestnik of Minin University. 2020. Vol. 8, no. 4. P.10.

Введение

Проблема подросткового буллинга относится к числу наиболее актуальных проблем современной науки и практики. Исследователи последнего десятилетия активно изучают

---

¹ The publication was prepared within the framework of state assignment No. 073-00032-20-00 under the project "Development of a modern concept for the comprehensive prevention of aggressive behavior in the educational environment and its scientific and methodological support, including testing and preparation for implementation."

социально-психологические и личностные особенности всех участников подросткового буллинга, однако в исследованиях присутствует определённый дисбаланс интересов: чаще всего в фокусе внимания ученых находятся жертвы буллинга и обидчики, а также те подростки, чья ролевая позиция двойственна, так называемые обидчики-жертвы. Подростки – свидетели буллинга значительно реже привлекают внимание исследователей. Еще реже они оказываются в фокусе терапевтических и профилактических мероприятий, проводимых школьными психологами и педагогами. Между тем именно подростки-свидетели выступают ключевыми субъектами в подростковом буллинге. Подростки-свидетели – это та группа участников, чье поведение и действия придают смысл ситуации буллинга. Именно эта группа наиболее многочисленна, разнородна по своим личностным характеристикам и наиболее влиятельна [16]. Именно эта группа крайне важна для обидчиков: нападения, угрозы, насмешки всегда совершаются в присутствии других подростков, а для самоутверждения и реализации потребности власти обидчика нужны подростки, которые собственно подтверждают и утверждают его высокий статус. Именно эта группа оказывается сегодня наименее изученной. Возможно, поэтому многие программы профилактики подросткового буллинга не достигают своей цели, не приводят к снижению и прекращению случаев травли.

Целью данной статьи является обзор исследований социально-психологических и личностных особенностей подростков – свидетелей буллинга и определение направлений профилактической работы с ними.

Результаты исследования

Исследователям удалось определить, что сверстники присутствуют в 85-88% всех эпизодов издевательств [9]. Их поведение различается от индифферентного наблюдения за ситуацией до бурного выражения своих эмоций, от активного участия в команде обидчика до защиты жертвы. Эти два возможных критерия оценки поведения свидетелей: «активные – пассивные действия» и «поддержка обидчика – защита жертвы» – задают возможную типологию мотивации и поведения свидетелей подросткового буллинга. На основе этих критериев в группе свидетелей подросткового буллинга выделяют подростков-защитников; подростков, сочувствующих жертве; подростков – помощников обидчиков; подростков-наблюдателей.

Эти группы подростков различаются друг от друга, прежде всего, мотивационными интенциями по отношению к буллингу и социально-психологическими особенностями. Знание особенностей каждой из групп подростков – свидетелей буллинга позволяет проектировать адресные программы профилактической и коррекционной работы с ними.

Социально-психологические и личностные особенности подростков-защитников

Свидетели, занимающие активную позицию поддержки и защиты жертвы, называются защитниками. Такие подростки составляют меньшую часть в группе свидетелей – около 20% [9]. Это, как правило, ребята с высоким и очень высоким социометрическим статусом в группе, которые умеют и любят общаться с другими, с высокой, но адекватной самооценкой [3, 4].

Уровень психологического благополучия защитников высокий и обусловлен развитием у них способности в управлении другими людьми [2]. У защитников высокие показатели эмпатии и способность эффективно решать возникающие проблемы [23], они обычно хорошо учатся, у

них хорошие отношения с учителями. Кроме того, у них лучше развито чувство ответственности, они гораздо более эффективно взаимодействуют с другими и лучше умеют предсказывать последствия своих действий [12]. У защитников чаще преобладает внутренняя мотивация деятельности, они ценят собственные убеждения и не игнорируют ситуацию травли в силу этих убеждений [10]. Высокая самооффективность и стремление активно вмешаться в ситуацию буллинга на стороне жертвы – их отличительная особенность [20, 22]. Защитники убеждены в том, что их вмешательство действительно остановит буллинг. Это достигается благодаря высокому статусу в группе сверстников и пониманию того, что буллинг – это неприемлемое поведение и оно причиняет страдания жертве [21].

*Социально-психологические и личностные особенности подростков,
сочувствующих жертве*

Среди свидетелей встречаются подростки, которые переживают за жертву, но активно не вступаются за нее. Часто это те дети, которые сами подверглись травле, особенно со стороны того же самого ребенка-обидчика [8]. Их называют «сочувствующими». Подростки предполагают, что в ситуации буллинга им сочувствует их друг или человек, который считает их своими друзьями [13]. Дружба с жертвой или переживание с ней общей беды способствует этому сопереживанию.

Есть несколько причин, почему «сочувствующие» подростки не вмешиваются в ситуацию буллинга и не пытаются прекратить ее так, как это делают «защитники».

Прежде всего, это последствия пережитой собственной травмы. Известно, что степень и глубина травматического поражения зависит от того возраста, в котором ребенок пережил травму, степени ее проработанности и наличия/отсутствия протективных факторов. Травмирующей ситуацией может быть не только ситуация буллинга, но и ситуация насилия, в том числе домашнего, школьного (например, от учителя), информационного. Это может быть травма в связи с потерей близкого человека, катастрофой и др. Однако травма полученная в результате буллинга или других видов насилия отличается тем, что практически всегда снижает степень активного реагирования ребенка на широкий круг ситуаций, разрушает или снижает чувство самоуважения и самооценку ребенка, лишает его чувства безопасности и базового доверия к миру. Поэтому возможной причиной пассивного поведения сочувствующего подростка могут быть чувство страха и высокий уровень тревожности (вероятно, ситуативной, специальных исследований нам встретить не удалось).

Пассивное поведение сочувствующих может быть связано с низкой самооффективностью как неспособностью, неумением успешного реагирования в конкретной ситуации. Канадский психолог А. Бандура показал в своих экспериментальных исследованиях, что люди с низкой самооффективностью постоянно сомневаются в себе и ожидают провала, поэтому даже если они и пытаются что-то предпринять, то их преследуют неудачи. Подростки, сочувствующие жертве буллинга, не имея опыта успешного вмешательства, объясняют свою пассивность тем, что предотвращают худшие варианты развития событий. Самое большое внимание они уделяют своим недостаткам и дефицитам, занимаются постоянно самокритикой по поводу своей некомпетентности. В исследованиях отмечается, что подростки с пассивной сопереживательной позицией отличаются высоким уровнем осознанности межличностных отношений и толерантностью [3, 4]. Важно отметить, что самооффективность как свойство личности подростка изменчива. Она может уменьшаться или увеличиваться в зависимости от влияния ряда факторов: опыта

собственной активности, общественного мнения, косвенного опыта – наблюдаемого поведения других людей, физического и эмоционального состояние человека.

Обобщенные предикторы поведения подростков-свидетелей, находящихся на стороне жертвы и в активной защищающей позиции, и в позиции сочувствующего, но не вмешивающегося в буллинг подростка, представлены на рисунке 1 [цит. по 21].

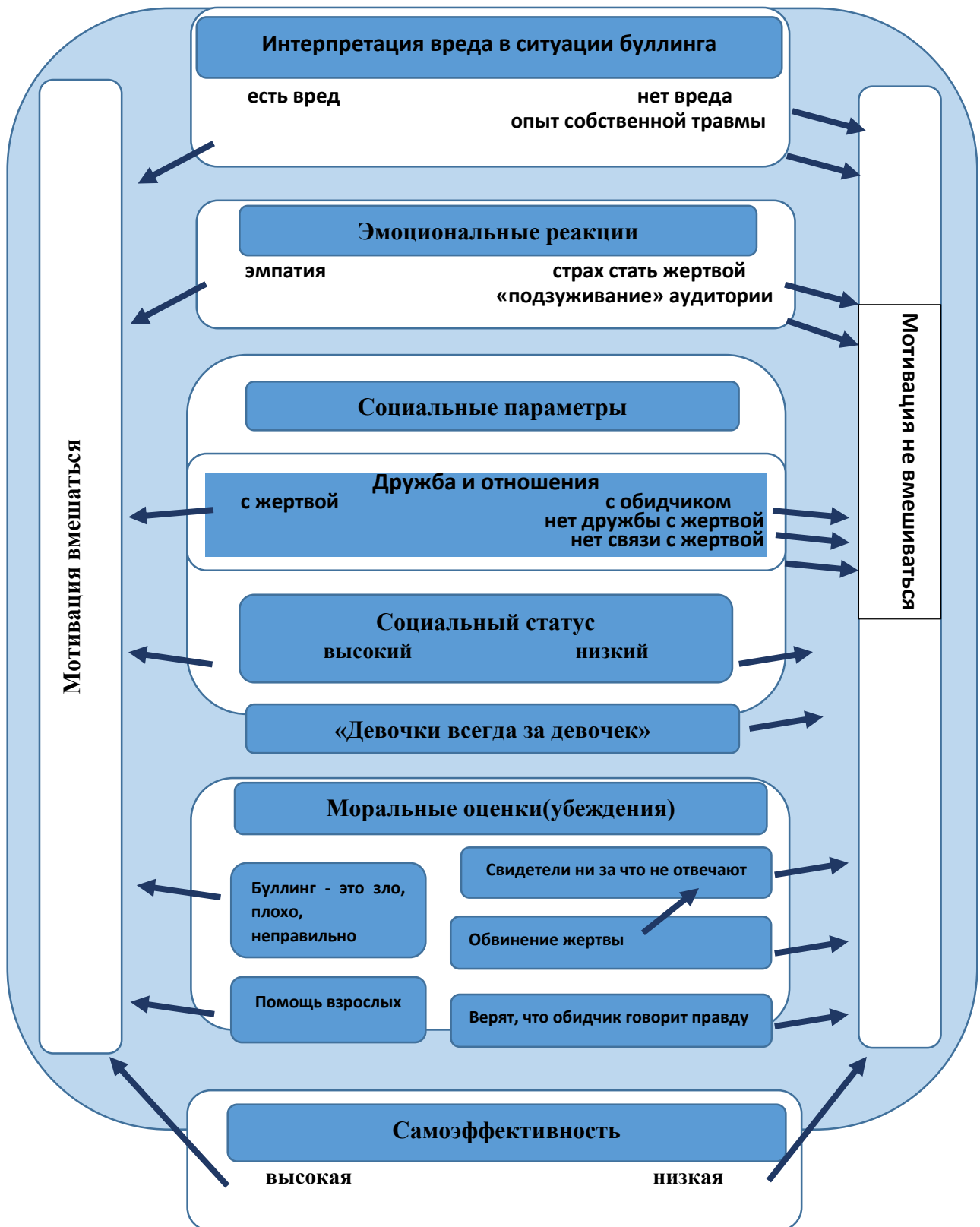

Рисунок 1 – Предикторы поведения подростков-свидетелей [21]

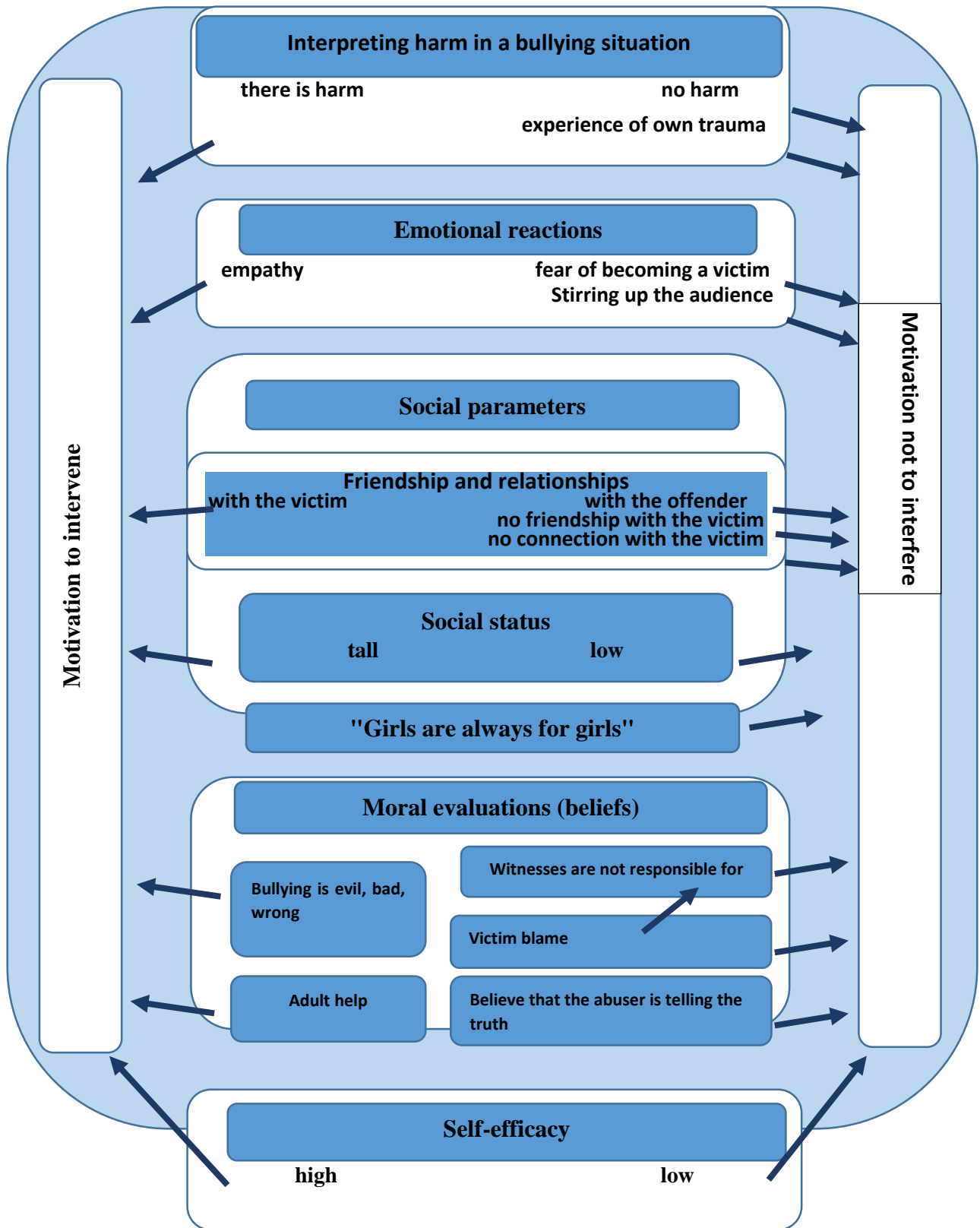

Figure 1 – Predictors of adolescent bystander behavior [21]

Социально-психологические и личностные особенности подростков – помощников обидчиков

Помощники обидчиков – так называют группу подростков, которые сопровождают действия обидчика: кричат, улюлюкают, смеются над жертвой, подстрекают остальных подростков к выражению своей позиции. Исследований, направленных специально на изучение личностных и социально-психологических особенностей помощников, нам встретить не удалось. Однако та информация, которая присутствует в исследованиях по изучению особенностей подросткового возраста, в исследованиях подросткового буллинга в целом, и наш опыт практической деятельности позволяют составить психологический портрет этой группы детей.

Сначала следует отметить важность группы помощников в ситуации буллинга. Если, как мы выяснили ранее, основная потребность, управляющая активностью обидчика, – это потребность власти, то помощники выступают той частью подростковой группы, в которой эта потребность получила свое удовлетворение. Наличие помощников дает обидчику доказательство его превосходства, демонстрирует наличие у него нужных социальных навыков и шире – личностных ресурсов влияния, обеспечивает социальное признание.

Как правило, помощники – это подростки, которые не пользуются уважением в классе, они имеют невысокий социометрический статус в классном коллективе, у них средний уровень самооценки и притязаний, но при этом очень велика потребность во власти и влиянии с доминированием авторитарной позиции во взаимодействии. Для большинства подростков вести себя активно значит вести себя агрессивно: «Выбирая агрессивное поведение, подросток часто делает выбор между действием и бездействием. В силу того, что подростками агрессивное поведение воспринимается как социально активное, готовность к агрессивным реакциям положительно связана с восприятием подростком себя как соответствующего ценностям актуальной социальной среды» [7, с. 254].

Основное содержание внутреннего конфликта таких ребят можно было бы выразить словами «хочет, но не может». Потребность власти, как и у обидчиков, у них сильно выражена, но и одновременно сильно депривирована, так как личностные ресурсы влияния на сверстников у помощников невелики. Можно даже предположить, что ситуация буллинга для них является своеобразной ситуацией социального научения, когда обидчик, занимающий более высокий социальный статус и обладающий большими ресурсами влияния и на жертву, и на группу свидетелей, выступает в роли модели желаемого поведения. Обидчик – своего рода идеал подростка-помощника, сознательно или бессознательно назначенный на эту роль.

Подросток значительную часть своей жизни проводит в школе. Виды его активности в школе весьма разнообразны – это и учебная деятельность, и внеклассная работа, и досуг, и разного рода социальные пробы нарушения общественного порядка и норм поведения. В школе выстраивается веер самых разнообразных межличностных отношений (которые составляют суть ведущей деятельности подросткового возраста) – со сверстниками (групповые и индивидуальные), со взрослыми (групповые – индивидуальные, имеющие разный социальный и ролевой статус – директор, учитель, технический персонал, родители других детей). Каждое из этих полей взаимоотношений имеет высокую эмоциональную значимость для подростка. В каждом из них надо решить задачу социальной ориентации и личностного самоопределения, чтобы удовлетворить свою потребность в самоуважении и определении своего места в системе социальных отношений. Подросток-обидчик выступает для подростка-помощника моделью успешной социализации, человеком, сумевшим занять высокую ступень в социальной группе. А ситуации буллинга рассматриваются

помощниками как механизм достижения социального успеха. Предвзятое индивидуальное отношение к жертве здесь не столь существенно, как в отношениях жертвы и обидчика.

Большое значение имеет дружба между обидчиком и помощниками. Наряду с потребностью в широком круге товарищеских отношений, обеспечивающих ощущение безопасности и принадлежности к группе, подростковый возраст характеризуется напряженным поиском дружбы как избирательной, прочной и глубокой эмоциональной привязанности. Общность переживаний на основе депривированной потребности власти сплачивает обидчиков и помощников. Общий свод представлений о справедливости мироустройства и способах восстановления этой справедливости составляет основу дружбы, взаимопонимания и доверия помощника и обидчика. Действия обидчика воспринимаются помощником как справедливые («жертва сама виновата», «так ей и надо»), своевременные («чтобы другим неповадно было»). Пойти против обидчика в ситуации буллинга, встать на защиту жертвы для помощника означает предать доверие и предать идеалы справедливости.

Помощники – это, как правило, сверстники, чаще одноклассники обидчика. В основе дружбы девочек-подростков – страстная потребность в понимании другого и себя другим и самораскрытии («подруга знает о тебе все» – сильный лейтмотив дружбы девочек-подростков). Для мальчиков – это, скорее, потребность в надежном «втором я» («друг никогда не подведет» – лейтмотив мальчиков-подростков). Ситуация буллинга для подростков-помощников выступает полем проверки и самопроверки на истинность этих чувств. С позиции помощников буллинг имеет выраженную позитивную коннотацию. Можно предположить, что внутренний план действий подростков-помощников включает в представления о буллинге как механизме поддержания и восстановления справедливости доказательство истинности дружбы, модель формирования успешной социализации в лице обидчика.

Вероятно, дефицитными у подростков-помощников оказываются личностные ресурсы установления доверительных и равноправных отношений с людьми, недостаток интернальности поведения и мышления, низкий уровень эмпатии (особенно его когнитивного компонента). Однако это требует дополнительных исследований.

Социально-психологические и личностные особенности подростков-наблюдателей

Самая многочисленная группа свидетелей – наблюдатели. Так называют тех подростков, которые не вмешиваются в ситуацию буллинга ни на стороне обидчика, ни на стороне жертвы; не проявляют свою эмоциональную позицию по отношению к происходящему. В некоторых работах пишут о том, что наблюдатели эмоционально нейтральны. Это не совсем так. Любая ситуация буллинга в подростковом классе вызывает те или иные чувства и эмоции, однако побудительные мотивы не вмешиваться в ситуацию травли могут быть различными. Частично мотивация наблюдателей описана в модели, представленной на рисунке 1 [21]. Нужно отличать подростков, которые не вмешиваются в ситуацию травли, но сочувствуют жертве («сочувствующие»), и тех, кто не вмешивается в силу внутреннего согласия с обвинением жертвы, из-за того, что ни с обидчиком, ни с жертвой нет дружеских отношений, из-за идентификации себя с обидчиком по признаку пола и противопоставления по этому же признаку жертве.

В исследованиях было показано, что мотивация наблюдателей часто обусловлена конформизмом как ценностью конкретной подростковой группы и групповым давлением [6, 18, 19]. Действительно, в ситуации травли на поведение детей начинает влиять групповая норма: если власть и самоутверждение за счет другого человека приняты в качестве обычного

средства реализации межличностных отношений в конкретном классе, конкретной школе, конкретном обществе, то в случае угрожающей другому человеку ситуации в соответствии с закономерностями поведения в социальной группе человек будет соглашаться на действия, которые демонстрирует большинство. Однако, опираясь на работы С. Московичи, можно объяснить и альтернативное поведение – поведение противостояния большинству. Условием такой альтернативы является собственная позиция подростка. Устойчивость этой позиции, осознанность, уверенность в ее правильности позволяет подростку встать на сторону жертвы. Кроме того, важны еще умение предъявить группе сверстников эту позицию и опыт результативного и конструктивного вмешательства. Этот механизм работает в случае защитников жертвы. Несмотря на то, что специальных исследований внутреннего плана деятельности подростков-наблюдателей, реализованных с этой точки зрения, нам встретить не удалось, можно предположить, что причина занять пассивную наблюдательную позицию связана с несформированностью внутренней позиции подростков-наблюдателей, с их своеобразным отставанием в личностном развитии от защитников и даже обидчиков буллинга, с несформированностью у них навыков конструктивного вмешательства в угрожающую ситуацию.

Существует еще одна группа причин, объясняющих невмешательство подростков-наблюдателей. В обзоре исследований по проблеме личностных и мотивационных особенностей участников буллинга, выполненном финской исследовательницей К. Сальмивалли [17, 18], приведены данные, что поведение наблюдателей может происходить за счет диффузии ответственности (никто не чувствует личной ответственности за происходящее и ожидает, что меры примет кто-то другой). Подростки-наблюдатели не умеют брать ответственность за происходящее на себя. Объяснение невмешательству подростки-наблюдатели связывают с недостатком собственных ресурсов, а также с недостаточной серьезностью ситуации (ситуация не столь трагична, чтобы вмешиваться).

Обсуждение и заключения

Подростки-свидетели подросткового буллинга – самая обширная и влиятельная подростковая группа. Свидетели могут занимать активную и пассивную позицию в буллинге, они могут активно поддерживать агрессора, могут сочувствовать жертве и защищать ее, могут пассивно наблюдать за происходящим. Но даже в этом случае сам факт их присутствия, а тем более, активное выражение своего отношения к происходящему определяет смысл совершения буллинга. Буллинг совершается ради самоутверждения, повышения своего статуса, усиления влияния в группе сверстников. Поэтому в буллинге важна не травля жертвы сама по себе, а демонстрация травли и реакция свидетелей на это.

Вне свидетелей травля теряет смысл и постепенно прекращается. Однако если свидетели поддерживают травлю, если среди свидетелей много помощников обидчика, если подростки, сочувствующие жертве не вмешиваются в травлю, если подавляющее большинство участников – пассивные наблюдатели, то буллинг будет усиливаться и воспроизводиться.

Группа подростков – свидетелей буллинга крайне неоднородна. В подростковом возрасте невозможно выявить подростков, которые бы демонстрировали устойчивую приверженность какой-то одной позиции. Не только смена ролей обидчика и жертвы, но и смена позиций подростков-свидетелей является весьма частой. С течением времени, к старшему школьному возрасту, роли в буллинге стабилизируются: подростки осваивают

наиболее привычное и комфортное для себя поведение, и к старшим классам школы кто-то становится «хронической» жертвой с психологией неудачника не только в школьном классе, но и за его пределами; кто-то утверждает в роли агрессора; кто-то выбирает роль свидетеля.

Подростки – свидетели буллинга характеризуются неопределенностью в отношении к буллингу вообще и к обидчику в частности. Они в одно и то же время осуждают буллинг и уважают обидчиков в классе [11]. Неустойчивая ролевая и внутренняя позиция подростков свидетельствует о продолжающемся личностном поиске подростка, об освоении им разного поведенческого репертуара и формировании и укреплении на этой основе ценностно-смысловой основы собственного поведения.

Разработка и создание программы профилактики буллинга должны быть основаны на понимании социально-психологических и личностных особенностей подростков-свидетелей с разными ролевыми позициями в буллинге. Основная задача программ профилактики по работе со свидетелями должна быть связана с трансформацией непродуктивных ролевых позиций подростков – помощников обидчика, сочувствующих жертве, пассивных наблюдателей – в активную позицию защитника. Исследования показывают, что рост количества активных вмешательств в ситуацию буллинга останавливает обидчика в момент совершения нападения и предотвращает агрессивные нападки в дальнейшем [17]. Однако эта общая задача имеет свое специфическое решение в случае каждой из групп подростков. В каждом случае важно выяснение причин неконструктивного поведения свидетелей буллинга. Изучение мотивации поведения и привычных способов реагирования подростков-свидетелей должно предварять тактику конкретных вмешательств со стороны педагога и психолога. В зависимости от содержания мотивации поведения свидетелей возможен групповой и индивидуальный формат работы с ними. Так, например, наличие травматического и непроработанного опыта подростка, сочувствующего жертве, требует организации с ним индивидуальной работы для преодоления негативных последствий травмы. А работа с подростком – помощником обидчика может строиться в направлении преодоления зависимости от обидчика и развития ресурса самостоятельного и уверенного, но не агрессивного поведения.

Проблема социально-психологических и личностных особенностей подростков – свидетелей буллинга далека от своего решения. Подростковый буллинг – это социально-психологический феномен, его обусловленность культурными особенностями и социальными детерминантами трудно переоценить. Исследований, выполненных на выборках российских подростков, крайне недостаточно. Между тем именно поведение группы свидетелей да и само ее присутствие делают буллинг тем, чем он является. Поэтому изучение социально-психологических и личностных особенностей подростков-свидетелей актуально и важно как для прекращения ситуации травли, так и для разработки эффективных программ профилактики подросткового буллинга.

Список использованных источников:

1. Бандура А., Уолтерс Р. Подростковая агрессия: изучение влияния воспитания и семейных отношений / пер. с англ. Ю. Брянцевой, Б. Красовского. М.: Апрель Пресс: ЭКСМО-Пресс, 2000. 509 с.
2. Волкова И.В. Характеристики субъектности и психологического благополучия у подростков-защитников в ситуации буллинга в школе // Психология человека в

- образовании. 2019. Т. 1, №2. С. 110-116. DOI: <https://doi.org/10.33910/2686-9527-2019-1-2-110-116>.
3. Глазман О.Л. Психологические особенности участников буллинга // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. №105. С. 159-165.
  4. Гусейнова Е.А., Ениколопов С.Н. Влияние позиции подростка в буллинге на его агрессивное поведение и самооценку // Психолого-педагогические исследования. 2014. №2. С. 246-256. DOI: <https://doi.org/10.17759/psyedu.2014060221>.
  5. Насилие и жестокое обращение с детьми: источники, причины, последствия, решения: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению 050100 "Педагогическое образование" / И.А. Баева [и др.]. Санкт-Петербург; Нижний Новгород: ООО «Книжный дом», 2011. 381 с.
  6. Собкин В.С., Смылова М.М. Буллинг в стенах школы: влияние социокультурного контекста (по материалам кросс-культурного исследования) // Социальная психология и общество. 2014. №2(5). С. 71-86.
  7. Чепелева Л.М. Формирование социально-конструктивных стратегий поведения у подростков // Ежегодник Российского психологического общества: материалы 3-го Всероссийского съезда психологов (Санкт-Петербург, 25-28 июня 2003 г.): в 8 т. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2003. Т. 8. С. 251-254.
  8. Huitsing G., Snijders T., Van Duijn M., Veenstra R. Victims, bullies, and their defenders: A longitudinal study of the coevolution of positive and negative networks // Development and Psychopathology. 2014. Vol. 26, sp. iss. 3. Pp. 645-659. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0954579414000297>.
  9. Hawkins D.L., Pepler D.J., Craig W.M. Naturalistic observations of peer interventions in bullying // Social Development. 2001. Vol. 10, no. 4. Pp. 512-527. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9507.00178>.
  10. Jungert T., Piroddi B., Thornberg R. Early adolescents' motivations to defend victims in school bullying and their perceptions of student-teacher relationships: A self-determination theory approach // Journal of Adolescence. 2016. Vol. 53, no. 4. Pp. 75-90. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.adolescence.2016.09.001>.
  11. Juvonen J., Graham S., Schuster B. Bullying among young adolescents: The strong, weak, and troubled // Pediatrics. 2003. Vol. 112, no. 6. Pp. 1231-1237. DOI: <https://doi.org/10.1542/peds.112.6.1231>.
  12. Knauf R., Eschenbeck H., Hock M. Bystanders of bullying: Social-cognitive and affective reactions to school bullying and cyberbullying // Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace. 2018. Vol. 12, no. 4. Article 3. doi: <https://dx.doi.org/10.5817/CP2018-4-3>.
  13. Oldenburg B., Van Duijn M., Veenstra R. Defending one's friends, not one's enemies: A social network analysis of children's defending, friendship, and dislike relationships using XPNet // PloS one. 2018. Vol. 13, no. 5. Article e0194323. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0194323>.
  14. Padgett S., Notar C.E. Bystanders are the key to stopping bullying // Universal Journal of Educational Research. 2013. Vol. 1, no. 2. Pp. 33-41. DOI: 10.13189/ujer.2013.010201.
  15. Polanin J., Espalage D., Pigott T. A meta-analysis of school-based bullying prevention programs' effects on bystander intervention behavior // School Psychology Review. 2012. Vol. 41, no. 1. Pp. 47-65. DOI: <https://doi.org/10.1080/02796015.2012.12087375>.

16. Rodkin P.C., Espelage D.L., Hanish L.D. A relational framework for understanding bullying: developmental antecedents and outcomes // *American Psychologist*. 2015. Vol. 70, no. 4. Pp. 311-321. DOI: <https://psycnet.apa.org/doi/10.1037/a0038658>.
17. Salmivalli C. Bullying and the peer group: A review // *Aggression and Violent Behavior*. 2010. Vol. 15, no. 2. Pp. 112-120. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.avb.2009.08.007>.
18. Salmivalli C., Voeten M., Poskiparta E. Bystanders matter: Associations between reinforcing, defending, and the frequency of bullying behavior in classrooms // *Journal of Clinical Child & Adolescent Psychology*. 2011. Vol. 40, no. 5. Pp. 668-676. DOI: <https://doi.org/10.1080/15374416.2011.597090>.
19. Seo M.J. Participation in bullying: Bystanders' characteristics and role behaviors // *Korean Journal of Child Studies*. 2008. Vol. 29, no. 5. Pp. 79-96.
20. Thornberg R., Wänström L., Hong J.S., Espelage D.L. Classroom relationship qualities and social-cognitive correlates of defending and passive bystanding in school bullying in Sweden: A multilevel analysis // *Journal of School Psychology*. 2017. Vol. 63. Pp. 49-62. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jsp.2017.03.002>.
21. Thornberg R., Tenenbaum L., Varjas K. et al. Bystander motivation in bullying incidents: To intervene or not to intervene? // *The Western Journal of Emergency Medicine*. 2012. Vol. 13, no. 3. Pp. 247-252. DOI: <https://doi.org/10.5811/westjem.2012.3.11792>.
22. Wachs S., Bilz L., Fischer S.M. et al. Students' willingness to intervene in bullying: Direct and indirect associations with classroom cohesion and self-efficacy // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2018. Vol. 15, no. 11. Pp. 25-77. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph15112577>.
23. Yang S.A., Kim D.H. Factors associated with bystander behaviors of Korean youth in school bullying situations: A cross-sectional study // *Medicine*. 2017. Vol. 96, no. 32. Article e7757. DOI: <https://doi.org/10.1097/md.0000000000007757>.

References

1. Bandura A., Uolters R. Teenage aggression: studying the influence of education and family relations / translated from English by Y. Bryantseva, B. Krasovsky. Moscow, April Press: EKSMO-Press, 2000. 509 p. (In Russ.)
2. Volkova I.V. Characteristics of subjectivity and psychological well-being in adolescent defenders in a situation of bullying at school. *Psihologiya cheloveka v obrazovanii*, 2019, vol. 1, no. 2, pp. 110-116, doi: <https://doi.org/10.33910/2686-9527-2019-1-2-110-116>. (In Russ.)
3. Glazman O.L. Psychological characteristics of bullying participants. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena*, 2009, no. 105, pp. 159-165. (In Russ.)
4. Gusejnova E.A., Enikolopov S.N. Influence of a teenager's position in bullying on his aggressive behavior and self-esteem. *Psihologo-pedagogicheskie issledovaniya*, 2014, no. 2, pp. 246-256, doi: <https://doi.org/10.17759/psyedu.2014060221>. (In Russ.)
5. Violence and cruel treatment of children: sources, causes, consequences, solutions: a textbook for students of higher educational institutions enrolled in the direction 050100 "Pedagogical education" / I.A. Baeva [and others]. St. Petersburg, Nizhny Novgorod, LLC "Book House" Publ., 2011. 381 p. (In Russ.)
6. Sobkin V.S., Smyslova M.M. Bullying within the walls of the school: the influence of the socio-cultural context (based on cross-cultural research). *Social'naya psihologiya i obshchestvo*, 2014, no. 2(5), pp. 71-86. (In Russ.)

7. Чепелева Л.М. Formation of socially constructive strategies of behavior in adolescents. *Ezhegodnik Rossijskogo psihologicheskogo obshchestva: materialy 3-go Vserossijskogo s"ezda psihologov (Sankt-Peterburg, 25-28 iyunya 2003 g.): v 8 t.* St. Petersburg, Sankt-Peterburgskij universitet Publ., 2003. Vol. 8. Pp. 251-254. (In Russ.)
8. Huitsing G., Snijders T., Van Duijn M., Veenstra R. Victims, bullies, and their defenders: A longitudinal study of the coevolution of positive and negative networks. *Development and Psychopathology*, 2014, vol. 26, sp. iss. 3, pp. 645-659, doi: <https://doi.org/10.1017/S0954579414000297>.
9. Hawkins D.L., Pepler D.J., Craig W.M. Naturalistic observations of peer interventions in bullying. *Social Development*, 2001, vol. 10, no. 4, pp. 512-527, doi: <https://doi.org/10.1111/1467-9507.00178>.
10. Jungert T., Piroddi B., Thornberg R. Early adolescents' motivations to defend victims in school bullying and their perceptions of student-teacher relationships: A self-determination theory approach. *Journal of Adolescence*, 2016, vol. 53, no. 4, pp. 75-90, doi: <https://doi.org/10.1016/j.adolescence.2016.09.001>.
11. Juvonen J., Graham S., Schuster B. Bullying among young adolescents: The strong, weak, and troubled. *Pediatrics*, 2003, vol. 112, no. 6, pp. 1231-1237, doi: <https://doi.org/10.1542/peds.112.6.1231>.
12. Knauf R., Eschenbeck H., Hock M. Bystanders of bullying: Social-cognitive and affective reactions to school bullying and cyberbullying. *Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace*, 2018, vol. 12, no. 4, article 3, doi: <https://dx.doi.org/10.5817/CP2018-4-3>.
13. Oldenburg B., Van Duijn M., Veenstra R. Defending one's friends, not one's enemies: A social network analysis of children's defending, friendship, and dislike relationships using XPNET. *PLoS one*, 2018, vol. 13, no. 5, article e0194323, doi: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0194323>.
14. Padgett S., Notar C.E. Bystanders are the key to stopping bullying. *Universal Journal of Educational Research*, 2013, vol. 1, no. 2, pp. 33-41, doi: 10.13189/ujer.2013.010201.
15. Polanin J., Espelage D., Pigott T. A meta-analysis of school-based bullying prevention programs' effects on bystander intervention behavior. *School Psychology Review*, 2012, vol. 41, no. 1, pp. 47-65, doi: <https://doi.org/10.1080/02796015.2012.12087375>.
16. Rodkin P.C., Espelage D.L., Hanish L.D. A relational framework for understanding bullying: developmental antecedents and outcomes. *American Psychologist*, 2015, vol. 70, no. 4, pp. 311-321, doi: <https://psycnet.apa.org/doi/10.1037/a0038658>.
17. Salmivalli C. Bullying and the peer group: A review. *Aggression and Violent Behavior*, 2010, vol. 15, no. 2, pp. 112-120, doi: <https://doi.org/10.1016/j.avb.2009.08.007>.
18. Salmivalli C., Voeten M., Poskiparta E. Bystanders matter: Associations between reinforcing, defending, and the frequency of bullying behavior in classrooms. *Journal of Clinical Child & Adolescent Psychology*, 2011, vol. 40, no. 5, pp. 668-676, doi: <https://doi.org/10.1080/15374416.2011.597090>.
19. Seo M.J. Participation in bullying: Bystanders' characteristics and role behaviors. *Korean Journal of Child Studies*, 2008, vol. 29, no. 5, pp. 79-96.
20. Thornberg R., Wänström L., Hong J.S., Espelage D.L. Classroom relationship qualities and social-cognitive correlates of defending and passive bystanding in school bullying in Sweden: A multilevel analysis. *Journal of School Psychology*, 2017, vol. 63, pp. 49-62, doi: <https://doi.org/10.1016/j.jsp.2017.03.002>.

21. Thornberg R., Tenenbaum L., Varjas K. et al. Bystander motivation in bullying incidents: To intervene or not to intervene? *The Western Journal of Emergency Medicine*, 2012, vol. 13, no. 3, pp. 247-252, doi: <https://doi.org/10.5811/westjem.2012.3.11792>.
22. Wachs S., Bilz L., Fischer S.M. et al. Students' willingness to intervene in bullying: Direct and indirect associations with classroom cohesion and self-efficacy. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2018, vol. 15, no. 11, pp. 25-77, doi: <https://doi.org/10.3390/ijerph15112577>.
23. Yang S.A., Kim D.H. Factors associated with bystander behaviors of Korean youth in school bullying situations: A cross-sectional study. *Medicine*, 2017, vol. 96, no. 32, article e7757, doi: <https://doi.org/10.1097/md.0000000000007757>.

© Волкова Е.Н., Волкова И.В., 2020

Информация об авторах

Волкова Елена Николаевна – доктор психологических наук, профессор, ФГБНУ «Институт изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования», Москва, Российская Федерация, ORCID : 0000-0001-9667-4752, Researcher ID: G-8595-2015, e-mail: envolkova@yandex.ru.

Волкова Ирина Владимировна – главный аналитик Центра междисциплинарных исследований в сфере наук об образовании Российской академии наук, Москва, Российская Федерация, ORCID: 0000-0002-3531-7257, SPIN-код: 9742-9840, Researcher ID: B-6469-2016, e-mail: irina.volkova.mail@gmail.com.

Information about the authors

Volkova Elena N. – Doctor of Psychology, Professor, Institute for the Study of Childhood, Family and Education of the Russian Academy of Education, Moscow, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0001-9667-4752, Researcher ID: G-8595-2015, e-mail: envolkova@yandex.ru.

Volkova Irina V. – senior analyst of the Center for interdisciplinary research in education, Russian Academy of Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: 0000-0002-3531-7257, SPIN: 9742-9840, Researcher ID: B-6469-2016, e-mail: irina.volkova.mail@gmail.com.

Поступила в редакцию: 11.09.2020

Принята к публикации: 10.10.2020

Опубликована: 05.11.2020